

Риша КБ

Неконтрактна

18+

Риша КБ
Ненападающая

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Риша КБ

Ненападающая / Риша КБ — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98083-9

Если взглянуть на мир через призму популярнейшей игры в мяч (и сейчас речь идет о футболе), можно выявить интереснейшие параллели. Этим и занимается Александра, ведь тот вид спорта, где одиннадцать привлекательных мужиков в шортах соревнуются в своем мастерстве, относится к ее личному списку вещей, которые еще не способны вызвать в ней отвращение. Также в нем находятся изучение иностранных языков и определенные воспоминания. От остального ее либо тошнит, либо появляется желание выброситься в окно, а порой и то, и другое. Именно на борьбе с этими ее приступами помешан ее муж Виктор, он пытается безраздельно доверять Саше, но дается это ему совсем уж нелегко. И вот в определенный момент, после чуть ли не пяти лет сложного брака, в жизни Александры появляется еще один мужчина – Федерико Родригес. Конечно, он слишком хорош, чтобы в него не влюбиться. Однако есть одно «но». Родригес – всемирно известный нападающий, и в любом даже самом запутанном случае он выберет игру, а не влюбленность.

ISBN 978-5-532-98083-9

© Риша КБ, 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	14
Глава 4.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Риша КБ

Ненападающая

Глава 1.

Самое трудное в этой жизни – просыпаться. Все, кто встает в шесть утра, и говорит, что этот факт делает его день счастливым, – лицемеры! Утро не бывает добрым, да, а что, собственно, бывает? Добро – всего лишь меньшее зло, что мы выбираем.

– Капучино без сахара?

– Сегодня можно и с сахаром! – ответила я мужу.

После двадцатиминутного пребывания в туалете и попытки проснуться в девять часов утра я медленно оживала, присев на удобный стул в просторной светлой кухне. Супруг, как это обычно и бывает, заправлял кофемашину и готовил омлет. Почти каждое утро этот чертов омлет, от которого хотелось выброситься в окно!

– У тебя что сегодня праздник? – посмеивался супруг.

– Я говорила об этом вчера.

– И когда же? – удивился Витя, словно я спросила, знает ли он президента Аргентины.

Если бы мой муж слушал меня хоть изредка, жизнь стала бы в тысячу раз прекраснее, но как часто это бывает, некоторые вещи должны оставаться мечтами.

– После книжных градусов по Фрейду.

– Ну, во-первых, по Фаренгейту! – подал мне кофе предприниматель. – А во-вторых, ты же знаешь, я плохо воспринимаю информацию ночью.

– А когда ты вообще воспринимаешь её хорошо?!

Да, порой я смотрела на самого родного человека, как на врага. Единственное, что Витя мог со мной сделать, так это упрекающее поморгать и спросить: «Это утро?», на что я всегда отвечала «Да». Мне больше ничего не оставалось, как смириться с его глупыми вопросами, ответить на них еще более глупо и сделать вид, что мы идеальная семья, хотя, если откровенно, к нам даже слово «нормальная» не всегда можно было отнести.

– Ладно, мне нужно бежать. К шести буду! – с почти искренней нежностью поцеловал муж мою щеку.

Виктор Аркадьевич уходил из нашей трехкомнатной квартиры в центре провинциального города, чтобы сесть в старенькую Lada Granta и ровно в десять ворваться в свой кабинет. Обычный директор инвестиционного фонда!

Я решила принять ванную, все равно больше не удастся уснуть. Если вы ждали пафосное мероприятие, как это снимают в голливудских фильмах, то разочаруйтесь, я не любила пену, свечи, красное вино и лежащего рядом со мной в этой лужице соплей и волос оператора. Однако денек явно не задался, и только откинув голову поудобнее, мне пришлось выскочить из горячей воды, ибо телефон разрывало на миллион кусков от видеозвонка навязчивой лучшей подруги.

– Ты не представляешь! Он приезжает уже сегодня! Господи, сегодня! – я отчаянно пыталась понять смысл ее бессвязных выражений. – А ты что решила искупаться?

– Я в шоке, неужели ты это заметила? – пыталась не особо язвить я.

Девушка наигранно, как в мелодрамах по «России 1», рассмеялась, поблескивая недавно отбеленными зубами, и посерьезнела. Серьезная Лиза – это всегда признак того, что мне придется разгрести какое-то дерьмо, и порой это было не метафорой.

– К сожалению, я не могу сегодня поехать с тобой! – призналась наконец подруга.

– Куда? Ты, о чем вообще?

Из крана полилась холодная вода, но заметила я это намного позже, чем та произнесла эти кошмарные слова. В наших с Лизой общих планах на воскресенье был один важный пункт – встреча со звездой футбола Родригесом. В России, как странно это не звучит, в этом году решили провести Чемпионат мира по футболу, и в составе сборной Испании должен был приехать наш кумир. Хоть его можно было назвать лишь отчасти нашим, для него мы подготовили целый плакат на испанском: ««Одна из целей моей жизни – исполнять мечты» Ф. Родригес. Тогда исполни и нашу – обними нас!»

– Ты шутишь? Одна я как всегда облажаюсь!

– Саш, прекрати придумывать себе оправдания и выйди наконец из квартиры! – посмотрела Лиза строго, как учитель на двоечника. – Это в любом случае лучше, чем весь отпуск валяться на диване!

– Ну свое же ты себе придумала! – ссылаюсь я на ее детей.

Одной из причин любить свою подругу была честность. Она говорила правду даже тогда, когда ее говорить совершенно не стоило, за это я уважала её и вконец презирала себя.

– Ладно, так, когда он приезжает?

– Через два часа должен быть на парковке! – легко сказала Лиза, словно это совершенно не означало, беги и ори во весь дом «Какого хрена?».

Так я и сделала. Бросив телефон то ли в корзину с грязным бельем, то ли в раковину, я резко поняла, что уже одурела от холода и меня трясло так, будто я всю ночь курицей просидела в холодильнике. Вытершись далеко не насухо, я поспешила надеть футболку упомянутой испанской сборной и какие-то джинсовые шорты, запихнуть плакат поглубже в рюкзак и выбежать на улицу. Как обычно, вернуться, закрыть дверь на ключ, снова выбежать и наконец прыгнуть в метро. Да, в провинциальных городах оно тоже бывает!

Сев на нужной станции, я пыталась успокоить себя, убеждая, что добраться до кумира не одного миллиона людей всех возрастов и футбольных клубов не составит большого труда. В попытке привести себя в порядок я лишь привлекла ненужное внимание. Пожилой мужчина, сидевший рядом, не смог удержаться от неадекватных вопросов.

– К возлюбленному?

– Точно нет. Я замужем! – сначала сказала, а потом обдумала я.

– Тогда к любовнику? – не унимался старичок.

– А вы смешной! – улыбнулась я. – У таких, как я, не бывает любовников!

Перед выходом на перрон мужчина сказал, что нет тех, кто не изменяет. Мне не нашлось, что ему ответить. Он был так искренне прав. Я ехала в странно-пустом вагоне, смотря в темные окна и слушая стук о рельсы. Я вспоминала. То, сколь сильно этот мужчина был прав.

Но насколько бы меня не затягивали навязчивые мысли, настолько же хотелось выйти из этого резко ставшего душным транспорта. На улице стало легче, на парковке – еще лучше. У некоторых, разумеется, может возникнуть вопрос, как мне удалось попасть на закрытую парковку, даже не имея собственной машины? Просто, как подобрать пароль вконтакте, все решается в нашем мире с помощью приятно шуршащих купюр, в зависимости от их числа и номинала тебе открываются грани дозволенного, в том числе и заветное место, через которое наверняка проедет автобус с футбольной командой.

Просто умереть можно, транспорт пришел в четко указанное охраной время! Ах, да, на время международных чемпионатов и сборов наша страна должна была играть роль лучшей во Вселенной. Я быстро развернула плакат, скрывая лицо, не стоит ему попадать на смартфоны этих убудков. Не знаю, на что я надеялась, когда мечтала, как мой кумир остановит автобус и выйдет, разумеется, это он может. Но хочет ли? Ради толстых ляжек какой-то русской фанатки? Точно нет!

Приподняв лицо из-под плаката, чтобы торжественно показать куда именно им стоит ехать после такой душевной встречи, я краем глаза заметила, что двухэтажное существо на

колесиках остановилось, и из него вышло недоразумение в полицейской форме. Ну все, мне конец! Я мысленно составила завещание, ибо знания, что бывает за эдакие выходы, у меня были. Что ж, все имущество и дневники пусть достанутся Вите, хочется, чтобы он знал, какое-то время я его действительно любила, чудовищные письма и охренительные плейлисты – Лизе, старый мотоцикл и кожанку пусть возьмет супруг лучшей подруги, а всю остальную дрянь, в том числе неудачные фотографии, тетрадки с сопливыми стихами о первой любви, странные переводы, непонятно зачем полученные дипломы, хранимые мной засохшая мандариновая кожура, выдохшийся Санин парфюм и мои воспоминания похороните со мной в одном огромном пласте информационного мусора.

Однако моя уверенность в неминуемой гибели поуменилась, помимо полицейских, персональной охраны и зевак в спортивном трико, вышел он. Родригес был чересчур хорош, чтобы существовать. Если большая часть команды была в дорогих, но до ужаса потрепанных, повывавших долгий перелет трениках и неопределенных футболках, нападающий мирового уровня был одет в свежайшую рубашку, словно он летел в другом самолете другого класса. Черные брюки так хорошо сидели на нем, что мне до безумия стало стыдно за свои такие уродливые ноги и руки. Родригес был маленьким богом моего сознания, но лишь до тех пор, пока с его привлекательных губ не слетело обычное испанское «Привет».

– Хм, привет! – пыталась намекнуть ему глазами на трясущийся в руках плакат. – Может обнимемся?

– О, да! – наконец взглянула звезда этой планеты на наше с Лизой произведение искусств.

После его секундной оценки и шага мне навстречу я все-таки свернула плакат, чтобы больше никогда его не развернуть. Великий футболист обнял меня, как старую подругу, от чего у меня явно стрельнуло в почке, и нас обоих перекосило. Когда я почувствовала его запах, на секунду мне показалось, что так пахнет свобода, но нет, это была зависимость, прежде всего от огромного количества людей, подписанных на его инстаграм.

– Так ты говоришь на испанском? – разомкнул Федерико руки на моей спине.

– Да.

– И это всё ради меня? – просиял Родригес настолько, что мне захотелось купить его пасту.

– Конечно... – улыбнулась я в ответ. – То есть нет, вообще это длинная история.

Я уже хотела рассказать ему столько всего: как начала учить языки, сколько прожила в Мадриде, зачем все это и что он прекрасный человек, подаривший миру столь многое, но как обычно это бывает в России, все портят многоуважаемые работники внутренних дел.

– С удовольствием бы послушал, но, прости, нужно идти! – указал футболист на расхаживающую команду и внушительно смотрящих полицейских.

– Прощу, если дашь номерок... Пообщались бы! – пыталась пошутить я.

Но как говорится в народе, что русскому хорошо, то немцу смерть, а испанцу и того труднее. Родригес от моей шуточки встал в легкий ступор, наверняка пытаясь придумать какое-то оправдание в ответ, но так как время поджимало и на него уже отъявленно давила толпа, звезда вселенского масштаба полез в карман за телефоном. На вопрос «Где можно написать?» я подала ему руку, хоть и в другой держала огромный кусок макулатуры.

Его прикосновения мне были интересны, в моей жизни не каждый день происходило что-то настолько увлекающее, чтобы я упустила такие шансы. Он взял меня за локоть, а потом ручкой, предприимчиво лежащей в его кармане, чуть ли не выцарапал свой здешний номер. Было не особо приятно терпеть столь знакомую боль от врезавшегося в эпидермис стержня, но мне странно нравилось то, как Родригес держал меня за руку. Его пальцы были теплыми, как руки моего отца, что временами согревал мои вечно холодные ладони. Мне было тяжело думать об этом, но так просто смотреть на него, на его морщащийся лоб, хитро прищуренные

глаза и полупрозрачные пуговицы рубашки. Мне хотелось смотреть на него, и я не отказывала себе в таком удовольствии.

По пути домой в уже полузабитом метро я снова погрузилась в воспоминания, нет, не о сегодняшнем приключении с Федерико Родригесом на парковке, а о своем так и несостоявшемся разводе.

Я отлично помнила, как сообщила мужу об этом желании. Он не понимал причины и постоянно извинялся за какие-то глупости, хотя, если честно, извиняться стоило нам обоим. Конечно, я хотела рассказать ему все, но как можно сообщить человеку о предательстве, не уничтожив его, да и себя одновременно? Меня он не жалел, а вот мне было его жаль. Виктор не один раз посылал мне цветы, а я каждый раз рыдала из-за них, огромного чувства ненависти и вины, супруг пытался со мной разговаривать, а я... лишь сильнее от него закрывалась.

Однако, как это всегда и бывает, в какой-то момент все закончилось, конечно, у всего в нашей жизни есть срок, но, чтобы настолько короткий? Могу сказать точно, в ту секунду мне не особо верилось в происходящее. Витя исчез из поля зрения, перестал что-либо предпринимать, конечно, была определенная вероятность, что он смирился и решил идти дальше, но мой старый друг никогда не сдавался, особенно когда его выворачивало потрохами наружу. А тогда, думаю, был именно такой случай.

Насторожившись, я наконец рискнула забрать оставшиеся вещи и, как мне казалось, просто исчезнуть из его жизни. Я приехала по идее уже в совершенно чужой номер того проклятого отеля и уже хотела было открыть дверь ключом, торжественно выданным Лизой, но как ни странно, он не то, что был не заперт, он был приоткрыт. В прихожей валялись наши фотографии, остатки моих вещей и Санина куртка. По всему помещению несло адским перегаром и крепким алкоголем. Проникнув в гостиную, я почувствовала, что мне стало отъявленно плохо. Витя валялся на полу, прикрываясь полинявшим ковром, вокруг него было несколько порций блевотины и недоеденных макарон, пару сосудов водки и куча разбитой посуды. Балкон был распахнут настежь, а вокруг стояла тишина, даже вечные болтуны снизу замолчали, а сверху не звучали стоны молодожен. Было одиннадцать дня. Было крайне омерзительно.

Не могу сказать с каким содроганием и рвотными позывами, я стянула с все еще оставшегося моим мужем человека этот ковер и с усилием засунула вместе со спиртным в мусорку. Витю, изредка подающего признаки жизни, пришлось перетащить на диван. Это было сложно, но возможно. Я принесла воды из холодильника и пустой тазик, выкинув в ванную недострипанное бельё, укрыла алкоголика пледом и села рядом.

Не знаю, в какой именно момент я приняла это решение. Может, сразу, как увидела его лежащим в этом хаосе, в трехдневной одежде, с непереваренной едой у рта, безбожно пьяного и чертовски жалкого, а может еще до того, как зашла в номер. Нет, во мне никогда не было особого сострадания к людям, наоборот, я очень часто их презирала, за то, что я натворила, меня стоило презирать. Но, в отличии от меня, поступки моего мужа можно было хоть как-то оправдать слепой яростью, безумной болью или жаждой мести, оправдать же мое предательство было невозможно, поэтому спрашивая себя об идеальном еще живом мужчине, я всегда вспоминала про Виктора Аркадьевича.

Тогда на его еле живой «Развод?» я твердо ответила: «Нет!». Я все еще оставалась его женой, а он моим мужем. Мы были скверной семьей, но мы ей были, хотя бы в тот день, и в последующие тысячу восемьсот двадцать пять дней тоже.

Глава 2.

Моя подруга, о которой я уже упоминала раньше, всю жизнь благодарит меня за своего мужа, ведь, по сути, это я их познакомила, но при этом, прошу заметить, я никакая не сводница и в тот момент мне было плевать на историю ее интимных связей, просто так уж вышло. Во время нашего с Витей так называемого «медового» месяца я в очередной скверный день вылила кофе на незнакомого мужчину, который оказался Михаилом, а через год и будущим мужем Лизы, в тот момент работающей портье в одном из отелей Анапы. Конечно, на его безбожные ругательства и мои средние пальцы девушка со слишком милым лицом подбежала, чтобы урегулировать ситуацию, но тогда меня это лишь разозлило. Хочется в очередной раз себя оправдать, мол, я только месяц назад похоронила лучшего друга, а мне уже нужно было культурно беседовать с какой-то светловолосой особой с противным голосом. Лиза просто вынудила меня на нее наорать! Возможно, именно в этом и было мое высшее предназначение, ничего более грандиозного, с точки зрения чужих жизней, я не делала, ибо после моих охрентительных оборотов Михаил встал на ее сторону.

Пока я заходила в подъезд, мой телефон отчаянно жужжал от разрывавших его сообщений. Что тогда, что сейчас, Лиза была крайне любопытной девушкой, но сегодня, в отличии от многих предыдущих дней, мне странно хотелось молчать, словно и слов-то во мне никаких и не было, хотелось слушать кого-то, но слушать явно было некого. Я написала, что еще не дома, и как приеду, обязательно все расскажу. Конечно, мне было не особо приятно было ей врать, сидя на диване в гостиной, не включая свет и не переодеваясь. Наверное, одним из моих главных грехов было то, что я слишком быстро привыкала к однотипным городам, европейским языкам, чертовому омуту и особенно к людям. Это была одна из миллиона причин, по которой я набрала номер, уже несколько часов красовавшийся у меня на руке, и после двух отвратных гудков услышала еще не приевшийся голос.

– Привет! Это Федерико!

– Эмм... а это та неадекватная фанатка, что преследовала тебя на парковке!

Футболист смеялся так заразительно, словно забил хетт-трик в ворота своей бывшей команды.

– Да, я помню. Как твои дела?

– Лучше не бывает! – нагло врала я. – А как твои? У вас уже была тренировка?

– К сожалению, нет! Кстати, в этом городе неплохой стадион, да и покрытие на поле приличное.

Теперь смеялась я, по приезду в совершенно незнакомый город совершенно незнакомой страны этот человек смог восхититься только газоном на футбольной площадке и количеством мест, которые будут заполнены через несколько дней. Единственное, о чем жалел Федерико Родригес, было отсутствием сегодняшней тренировки. Мне оставалось лишь искренне удивляться, как он мог быть так увлечен игрой в свои тридцать два.

– Чем будешь заниматься вечером? – любезно поинтересовалась слишком известная личность.

– Хм, да особо ничем... а что? Есть предложения? – снова пыталась пошутить я.

Но как это случилось ранее, испанец так и не понял моего сарказма.

– Не знаю, мы могли бы встретиться.

– Где? – резко поднялась я с дивана, полностью осознавая, что мне нужно готовить ужин для мужа, а не встречаться со всякими неадекватными футболистами, посмеявшимися мне такое предложить. Но жаль, он был далеко не всяким.

– Например, в сквере напротив моего отеля! – сказал Федерико. – Если хочешь, могу прислать адрес поточнее.

– Ммм... а ты не боишься, что я могу согласиться?

– Ха-ха, нет! – твердо произнес он. – Меня, конечно, предупреждали, что женщины в России очень опасны, но разве что своей красотой!

Вот дерьмо! Мне хотелось выйти от этого парня в окно. Родригес вел себя, словно прыщавый турист, впервые выехавший за границу без родителей и пристающий к главной певице в ресторане. Хотя нападающий и знал, что я была далеко не такой красоткой, как все те русские модели, романы с которыми ему приписывали СМИ, и тем не менее звездный мальчик уже вовсю советовался о том, как ему лучше одеться. Несмотря на то, что я трижды вздохнула и четырежды закатила глаза, Федерико так и не понял, я не хотела никуда идти, но эта его идиотская фраза «Надеюсь, твое платье будет гармонировать с моей футболкой, разумеется, вися на стуле» заставила меня рассмеяться. Он был настолько предурком, что мне нравился.

Поэтому, да и хрен знает еще почему, через сорок минут я стояла в том сквере у памятника в белоснежном платье чуть выше колен и, как по мне, слишком оголяющим спину. Я ждала и надеялась, что все это окажется злой шуткой, и вскоре я закажу вегетарианскую пиццу на ужин, так как ничего не успею приготовить. По дороге мне удалось написать Лизе, что я иду к нему, а именно к самому дорогому и популярному спортсмену этого мира, и что, разумеется, надеюсь на ее прикрытие от Виктора. Я кусала и без того короткие ногти, на которых даже не было лака, а на лице достойного макияжа, стояла, словно ожидая чуда, но пришло явно не оно, а самодовольное лицо загорелого брүнета.

Родригес небрежно схватил меня за руку, хоть это и было далеко не по правилам, на мой испепеляющий взгляд он ответил, что здесь его наверняка будет преследовать пресса и нам стоит поскорее отсюда убраться. Я по привычке закатила глаза, но это не помогло, нападающий чаще смотрел в зеркало, чем на окружающих. Мои вопросы стали максимально навязчивыми, лишь когда наши тела проникли в красивое местечко с табличкой «Grand Hotel».

– Только не говори, что мы идем в твой номер! – странным испанским произнесла я.

– А у тебя есть другие идеи? Может, ты хочешь оставить меня на съедение всем этим людишкам?! Такому как я и пяти минут не дадут на улице постоять!

Если с логикой Федерико было более-менее все понятно, то объяснить, почему я продолжала идти с этим полужнакомым человеком в слишком уединенное для светского общения помещение, было затруднительно.

– Так ты зайдешь? – нагло просиял футболист, открывая дверь.

Нет, Саня, нет! Нужно послать этого павлина куда подальше и спокойно отлежаться в своей норе, заесть стресс ботвой и придумать, что сказать мужу. Ты и так чуть ли не за чертой, еще способной удержать твой брак в стабильности. Остановись! У этого парня в планах наверняка не обсуждение установок на ближайшую игру.

– Смотря что меня там ждет?

– Ужин! – спокойно ответил Родригес.

– Тогда поспешу уточнить, я вегетарианка! – сделала я крошечный шаг ему навстречу.

– Поверь мне, я не знаю людей, способных отказаться от паэлы. Практически по маминскому рецепту. Соглашайся!

Резко вспомнив, что последнее из еды, побывавшее в моем пищеводе, было омлетом, я постаралась замолчать, чтобы, не дай бог, не накапать слюной на его дорогие ботинки. Пришлось многообещающе кивнуть. Это был выбор несчастного желудка, а уж никак не сердца.

Если бы нужно было описать номер этой знаменитости двумя словами, я бы определенно сказала – вот дерьмо! Это помещение представлялось мне куда более уютным и современным. Ненужная, как по мне, лепнина, огромная кровать, аристократичные картины, в общем, ничего более пафосного и бесполезного придумать было нельзя, хотя нет, мыло в виде ангелочков меня добило.

– Ну и как тебе это все? Экзотично? – спрашивал Федерико, круживший у стола.

– А тебе нужно ответить по правилам этикета или можно нецензурно? – вышла я из ванной, вымыв руки.

– А ты можешь нецензурно?! – вскинул брови нападающий, пододвигая мне стул.

В доказательство открывающему врата к ароматнейшим блюдам испанской кухни футболисту я выругалась неистово и безбожно, на секунду опомнившись, я могла бы покраснеть, но, к сожалению, не умела. Пришлось нелепо уставиться на спортсмена в ожидании. Поверьте, в тот момент было крайне сложно понять, смотрел ли тот укоряющее или поощряющее.

– Где ты... такому научилась? – только и смог проговорить Родригес.

– Эм... Я что слегка переборщила и ужин достанется другой претендентке? – уже хотела было выбраться из-за стола я.

– Нет, нет! – замахал руками футболист. – Просто такие выражения встретишь лишь у мадридцев. Ты жила там?

– Да. Но это не безумно увлекательная история! – честно призналась я.

– Знаешь, я провел там целых четыре года! Не могу сказать, что было восхитительно, скорее это были самые трудные времена для моей семьи. Так что, да, мадридские истории мне всегда будут особенно интересны.

Что ж, я рискнула и доверилась ему. Это звучит пошло и избито, но я просто попробовала ужин. Было не вкусно, а прям таки божественно. Хотя я и была голодной, но не почувствовать тонкие нотки сладкого, кислого, соленого, увлекательного и чарующего я не могла. Федерико сделал второй глоток вина, а я уже отпила все содержимое в бокале. Вообще-то я не пила в принципе, но в этом и была вся проблема, когда больше трех лет не употребляешь ничего крепче минералки, то в определенный момент в тебя прям-таки вселяется дьявол и заставляет сорваться. Опять же я никогда не была алкоголичкой, и мне не требовался Зеленчук, просто для мужа это было большой темой, и от приятно разливавшегося тепла пришлось закодироваться и мне.

Но хватит о мужьях, намного интереснее говорить о футболе. После ужина и великих рассказов о жизни и начинаниях в Мадриде, за которые, честно говоря, мне могли бы заплатить миллионы, я не могла устоять, чтобы не вызвать его на поединок. Неповторимый бой великого игрока и дилетантки.

– А знаешь, что мне все-таки нравится в этом номере? – Федерико помотал головой. – Вон тот мяч! Сыграем?

Конечно, это было глупо и не было мне оправданий такое говорить, но, черт побери, я так сильно этого хотела, что плевала на все возможные правила этим вечером. Я торжественно встала на ворота, а именно в распахнутую дверь ванной. Родригес так широко усмехнулся, словно даже если бы он был в инвалидном кресле, а я игроком основного состава Ювентуса, то даже намек на шанс мне бы не представилось.

– Что? Неужели ты боишься меня? Эй, я вроде не вратарь Атлетико!

Бить пришлось сильнее. Острее. На такой вызов Феде не мог не ответить. Бывшая команда – это святое. Так что, встав во всему миру известную позу, футболист разбежался и ударил так сильно и высоко, что я то ли побоялась, то ли не успела даже ногтем чиркнуть по мячу. Крученая сфера залетела в сетку, а конкретно, в унитаз, и отскочив, разбила мылодержатель.

– Я не виновата! – подняла я руки, будто в комнату ворвался ОМОН.

– Да ладно, – глупо улыбаясь, осмотрел Родригес потери. – Завтра поменяют!

Черт побери! Стоит только влюбиться в какого-то невероятного профессионала, как ты тут же перестаешь считать его человеком. Этот парень буквально кричал: «Если я захочу, я куплю целый мир, и людей в первую очередь!». Конечно, не именно этот футболист придумал эту философию, но таких, как он, были тысячи. И разве от этого становилось легче? Разочаровываться в малознакомых людях было даже неприятнее, чем в родных.

– Хорошо. Так сколько мне заплатить?

– В каком смысле? – прищурился Федерико.

– Ну я же не смогла отразить атаку, теперь на мне лежит груз ответственности!

Нападающий лишь посмеялся надо мной, говоря, что даже вратари сборных не платят за свои ошибки, а я-то тем более не должна. Но я настаивала. Наверное, это было тем немногим из того, что я еще умела. А еще я отлично предавала, да, уж в этом-то мне точно не было равных. Родители, друзья, мечты, принципы, муж – это были лишь малые жертвы моего раздутого эгоцентризма.

Когда Федерико предложил договориться, я задумалась. Мне понадобилось 12 секунд, чтобы согласиться, ровно столько и нужно людям, чтобы решиться на предательство. Это было так же необдуманно и импульсивно, как замужество, выбор экономического факультета, отказ заводить детей и влюбляться. Это было такое же поспешное решение, но, к счастью, неотвратимое.

Я уже сказала ему: «Ладно», и Феде пригласил меня на танец, он уже держал мою руку так, словно и вправду хотел в меня влюбиться, а я была полностью уверена, что не уйду отсюда сегодня. Родригес вынудил меня сделать крошечный шаг ему на встречу, а я заставила посмотреть его в мои отвратные глаза. Не знаю, что Федерико Родригес мог чувствовать ко мне, но я точно знала, что не хочу останавливаться...

Когда футболист наконец уснул, дыша мне в ухо, я снова позволила себе покопаться в сознании, как в старом куске мяса. В моей жизни было много странных моментов, но после охренительного секса вспоминались одни лишь дерьмовые. Что ж, видимо сегодня день необычайной роскоши: и оргазм, и слезы!

Мой единственный в жизни «медовый месяц» точно нельзя было назвать таковым, хотя бы за отсутствие любого намека на близость с новоиспеченным мужем. Витя постоянно пропадавал на временной работе, а я не могла, да и не хотела этому препятствовать. Кажется, мы оба были в глубокой непролазной депрессии. У каждого были свои причины, но основной все же оставалась смерть нашего общего безумно близкого друга. Проблема даже была не столько в том, что мы общались не более двух часов в сутки (нам и этого с головой хватало), а в том, что спали в разных кроватях. Я на роскошной постели с балдахином, а Виктор, скрючившись на диване, в гостиной нашего номера. Сначала я и сама этого хотела, но потом! Мы все-таки не монахи-отшельники, у нас обоих было гарантированное право на секс.

– Можно войти? – однажды нагло вломилась в мои размышления девушка с рецепшена.

– А почему вы спрашиваете, если уже вошли?

Блондинка удивленно уставилась на меня, то ли плохо понимая, то ли считая желание личного пространства преступлением.

– Я просто хотела поблагодарить вас! – продолжала та. – Из-за того инцидента Михаил пригласил меня на свидание!

– Господи! Да мне нужно почаще на людей что-нибудь выплескивать! – пыталась я сделать вид, что читаю журнал.

– Да, хаха, а вы только пойдете в 402-ой или уже вернулись?

Я с усилием посмотрела на этого прекрасного работника, владеющего отвратительными навыками связной речи.

– И что бы я там забыла?

– Ну ваш муж уже давно там. Сегодня с утра он снял номер на свое имя, а часа три назад пошел туда с цветами и шампанским, наверное, готовит вам романтический сюрприз!

– И что он попросил меня прийти? – понадеялась я.

Девушка в белоснежной рубашке замотала головой, силясь придумать ему невероятное оправдание, ведь Витя не мог быть мудаком, он бы никогда не пошел с цветами и шампанским к кому-то, кроме своей любимой жены!

– А почему вы вообще мне это рассказываете? Я вас об этом не просила! – чуть было не сорвалась я.

– Простите, мне просто хотелось отблагодарить вас. Я хотела оставить записку и ваши любимые конфеты! – достала коробку восхитительных сладостей, как я узнала позже, Лиза. – Я совсем не думала, что вы будете здесь. У 402-го номера висит табличка «Не беспокоить», я была уверена, что вы сейчас там! Мне так жаль!

Девушка уменьшилась чуть ли не вдвое, стоило мне слегка повысить голос. Да, эта работа была явно не для нее. На минуту мне даже стало стыдно, но все-таки лишь на минуту.

– Я сегодня ужасно спала, и, правда, я обожаю эти конфеты! Спасибо. И простите.

Лиза примирительно улыбнулась и вышла. Какое облегчение! Моя неадекватная слеза выскользнула сразу, как только дверь захлопнулась. Предавать – очень больно, но когда предадут тебя... Это прям-таки какой-то новый уровень страданий. Я прорыдала в голос практически до витинового возвращения. Удивительно, но во время его появления я хоть как-то смогла сдержаться.

Конечно, я старалась не подавать виду, что знаю больше, чем он думает, но от этого не становилось легче, ни мне и ни ему. Теперь все было так смешно и глупо. За ужином Витя рассказывал, как тяжелы были переговоры и что, с большой вероятностью, они затягивались, я рассказывала, что сегодня у меня была отличная языковая практика и очень скоро я смогу поступить на иняз. Муж довольно угукал, я спокойно кивала. И мы, как ни в чем не бывало, расходились по спальным местам.

Наверное, именно с этого момента я возненавидела цветы и шампанское. Мне было мерзко даже представлять, как он там с кем-то там в 402-ом номере разливал дрянное вино с пузырьками, а она все нахваливала притащенный им веник. Теперь при любом удобном случае я закидывалась виски и анвифеном, на хрен правила, на хрен приличия! Витя все так же спал на неудобном диване еще неделю, а потом я объявила, что мы разводимся. Я дала ему миллион причин, меня ненавидеть, но и он поступал не лучше. Виктор вел себя хуже, чем хреново, но жаль, все это было заслужено. Единственное, что тогда внушало оптимизм, – мы смогли вовремя остановиться, так и не став друг другу слишком родными. Я съехала к новой подруги на квартиру, а Витя так и остался в этом чертовом отеле. Я даже рада, что это случилось в тот момент, ведь, проживи я с ним еще хоть пару дней, будь уверены, как минимум ножом я бы его пырнула.

Глава 3.

Никогда, поверьте, никогда прежде я не стучала так отчаянно в дверь своей единственной подруге в восемь часов утра. Я совершенно забыла о том, что можно было позвонить, что у нее маленькие дети и особых причин для панической атаки-то и не было, но, откровенно говоря, я была в ужасе, хоть этим и трудно было меня оправдать.

– Ни хрена себе! – поздоровалась Лиза.

– Да! – все, что смогла я выдать.

На ее вопрос, почему именно ей пришлось спасти мою задницу от витиных расспросов, я сказала, что мне нужно в душ и убежала. Я знала, она-то, в отличии от мужа, простит меня, эта девушка вообще была единственной, кому удавалось отпускать мне грехи, хоть их и было не мало. К примеру, еще не было такого года, когда я не забывала про ее день рождения, общаться с ее мужем было невыносимо тяжело, а уж детей ее я на дух не переносила. А так в общем и целом могу сказать, я любила Лизу, пускай и настолько, насколько могла.

После того, как гель с ароматом шоколада смыл с меня паникерские мысли, а одежда утонула стиральной машине, я все-таки постаралась ответить на половину ее нескончаемых вопросов.

– Так ты была вместе с самим Родригесом? – откусила порядочная жена и хорошая мать слишком огромный для ее рта кусок маффина.

– Конечно, не сразу! Сначала я переспала с его менеджером, а когда тот убедился, что я совсем еще ничего, то потом уже и с самим Родригесом!

– Господи! – кусок из ее рта вывалился в кружку с чаем. – Эти футболисты совсем с ума походили! И как вообще можно такое практиковать?!

Так как смеяться сил у меня не было, пришлось лишь беззвучно потрястись над кружкой растворимого кофе и наконец вытащить из себя хоть что-то стоящее.

– Самое страшное не то, что я безбожно занималась сексом с полужакомым футболистом, у которого я 453-я в списке, страшно, что я сделала это, будучи замужем. И особенно замужем за Витей.

Крик ребенка прервал мой стройный монолог. Дети вечно чему-то мешают, например, душевному равновесию. Лиза побежала утешать шестимесячного Рината, и до ее возвращения я могла подумать о том, насколько сильно завязла в этом дерьме и что нужно сделать, чтобы из него выбраться. На ум приходило только одно – рассказать все Виктору и будь, что будет. Вероятность, что он меня простит, разумеется, была, но в тот момент я бы отнесла ее к абсолютной погрешности. Верни меня шесть лет назад, я бы ни за что такое не простила, но жизнь не шашлычок под коньячок, она умеет-таки пихнуть в нужную сторону.

– Так, Ринатика я покормила! Можем продолжить! – посетила свою роскошную кухню Лиза. – Витя звонил вчера целых четыре раза!

– Боже, и что же ты ему наплела?

– Прости, я растерялась и случайно ляпнула, что ты отправилась к самому популярному и любвеобильному футболисту этой планеты, которому не может отказать ни одна девушка!

– Лиза! Поверь мне, список из ста причин моей ненависти к тебе очень скоро может пополниться!

Молодая женщина искривила свое привлекательное лицо.

– А мой вот нет! Люблю тебя!

Главной причиной, по которой Лизу действительно стоило ненавидеть, были ее представления о любви. Мне никогда не верилось, что вот так просто, без единой маленькой объективной причины люди могут привязываться к другим и даже чем-то жертвовать. Всегда существуют куда большие мотиваторы, чем историческое желание зависимости.

– Ладно, – разбухший маффин наконец перебрался из ее стакана в помойку. – Я сказала, что мишина мама не может сегодня приехать, а одной с тремя детьми мне не справиться. Сначала ты купала Ринатика, потом кормила Кешу и Настеньку, а затем вырубилась без задних частей тела.

– И он поверил? – сомневалась я. – Ничего не заподозрил?

– Ну он больше не звонил, поэтому думаю, да.

Мне хотелось верить подруге на слово, хотелось успокоиться хоть на минуту, но что-то отъявленно прогрызало трещины в моей отсутствующей совести, расшатывая и так нестабильное сознание.

Лиза преподнесла мне свою футболку с группой «The Killers» и светлые шорты. Да, во вкусе этой девушке явно было не отказать.

– Думаешь, если Витя узнает, мы разведемся? – впервые за последние годы я действительно интересовалась ее мнением.

– Вряд ли! – покачала она головой, загружая бутылочки в посудомойку. – Он же любит тебя!

Надо признаться, я ненавидела это слово. Даже в каком-нибудь адекватном с виду боевике найдется идиот, который, несмотря ни на что будет бороться «за любовь». Что это вообще значит любить? Мне кажется, как минимум, доверять, а я в своей жизни уже слишком давно такого не чувствовала.

– Ты так это говоришь, будто я мразь конченная, а он пророк Мухаммед!

В эту же секунду прозвучал ответ.

– Тот, кто любит, не изменяет.

– Ну ладно, мразь так мразь!

Четыре года в браке научили меня одному – ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов, даже в том, что знаешь наверняка. Для особо впечатлительных все-таки стоит пояснить, за все эти годы у нас Витей было 1:1 по изменам, по крайней мере, до вчерашнего вечера.

– Я звонил тебе пятьдесят восемь раз! – его громкий шепот начался сразу же, как только я открыла дверь.

– Ох, да, я так замоталась! – театрально рухнула я на табурет в прихожей, стараясь смягчить его тон. – Дети – это что-то невообразимое, ты даже не представляешь, какой Ринат капризный, да по сравнению с ним наши соседи просто милые спокойные люди!

– Ты поэтому не хочешь детей?

Порой мой муж задавал такие глупые вопросы, на которые я не знала, что и соврать.

– А ты что хочешь? – чуть ли не рассмеялась я в лицо Виктору.

– Да.

Это слово из двух букв буквально повергло меня в шок, мы никогда не обсуждали эту тему, не заикались, а сейчас! Именно в тот момент, когда я была наиболее уязвима, супруг, словно посредственный полузащитник, прорвавшийся к воротам топовой команды, так дерзко на меня напал.

– Ладно. Как-нибудь на днях схожу к гинекологу, и он снимет средство спасения из моей...

– Ты обещала больше не ругаться! – строго напомнил бизнесмен.

– Вить, все под контролем, я хотела сказать... из чрева.

Так нагло врать сразу по всем фронтам было не особо удачной идеей, я толком никогда не продумывала что-либо наперед, и сейчас на мне лежала слишком большая вина, которую можно было искупить разве что согласием на ребенка.

– Саш, – присел инвестор рядом, сжимая мое плечо, – с тобой все в порядке? Ты ничего не хочешь мне рассказать?

– Да! В смысле, нет! – ответила я, полностью не отдавая себе отчета, за кого именно сейчас отвечала. – То есть на первый вопрос да, а на второй – нет!

– Значит у нас все нормально?

– Все прекрасно, Вить, если ты не придумаешь нам очередную проблему, она и не появится! – старалась улыбнуться я.

– Хорошо! – возможно, поверил мне муж.

Следующие два дня тянулись месяцем. Я блуждала в лабиринтах собственного вранья и построенных им обязательств. Пришлось все-таки сходить к чертовому врачу и оставить себя на съедение витиным сперматозоидам. Можно сказать, все выходные я провела в ожидании. Бури. Скандала. Неудобного звонка. Лишнего слова. Но Витя улыбался, так чертовски просто, а телефон молчал, так безумно оскорбительно. Я готовила супругу завтраки, вставая на два часа раньше обычного; вытаскивала с собой на пробежку; пыталась вникнуть в его финансовые неурядицы, так до конца ничего и не понимая. Мой отпуск летел к чертям, словно мячи, разбивающие носы болельщикам, а эти отвратные выходные казались хуже перерыва во время финала чемпионата мира.

Никогда не думала, что я буду так благодарна понедельнику. Виктор умчался на работу, а я наконец осталась одна и, как порядочная жена, начала готовить еду и стирать носки. Закончив с поистине божественным ужином и еще не начиная влажной уборки, я задумалась. Кажется, я поспешила. Нет, не умалчивать свою измену или настолько сильно притворяться, что вызывать у Вити и смех, и метеоризм одновременно, я поспешила согласиться на ребенка. Хоть беременной я еще не была, страх оказаться таковой захватил меня. В попытке не впасть в панику я позвонила по единственному неизвестному номеру в моем телефоне.

– Привет! Слушай, я по делу. Я случайно не забывала у тебя... пиджак?

– Привет, нет! – произнес мужчина. – У меня есть только чье-то белье. Твое?

– Если с кружевами, то нет! – не унималась я. – У меня, знаешь ли, не настолько плохой вкус!

– А жаль! – голос ненадолго затаился. – Что ж...

Этот чувак уже наверняка был готов нажать «отбой», но, когда не хотят слушать меня, можно поболтать и о других.

– Буквально еще один совет от эксперта! – всё не могла отстать от него я. – Мне тут надежные люди порекомендовали поставить сегодня на Португалию, говорят, они в безбожно хорошей форме! Что думаешь?

– На твоём месте, я бы не совершал такую ошибку! – угрожающе прозвучал приятный голос. – Мы порвем их, более того, мы порвем их настолько, что остальным и рвать-то будет нечего! А сейчас, прости, у меня разминка!

– Постой... – даже у меня уже складывалось впечатление, что он был моим спасательным кругом.

– Если ты так хочешь попасть на этот матч, приходи к служебному выходу часа через полтора.

Разумеется, мне стоило уточнить, что это был за стадион и какого все-таки хрена я должна была туда идти. Однако единственной площадкой, на которой сегодня была хоть какая-то спортивная деятельность в нашем городе, был «Олимпик», а второй вопрос был уж слишком риторическим, чтобы я утруждала себя на него отвечать.

Если хотите знать, кем же был тот неадекватный испанец, с которым я посмела посоветоваться по поводу своих несуществующих ставок, то скажу очевидность, это был Федерико Родригес. Я знала, беседа с ним – далеко не лучшая идея, но, набирая его номер, я хотела быть особенной, той, что нападающий в состоянии вспомнить. Так уж вышло, что мы всегда хотим быть желанными теми, кто и желать-то нас не в состоянии. Я заведомо обещала себе больше никогда в жизни не пересекаться с этим футболистом, быть хорошей женой и даже в будущем

матерью, но, увы, некоторые обещания должны оставаться лишь обещаниями. К черту размеренную жизнь и приличия! Я все равно не смогу не прийти к служебному выходу, ожидая то ли чуда, то ли чего похлеще.

Пока я облепляла своими потными ладошками поручни в метро, на ум приходили странные мысли. В основном, они были о Вите и о чем-то хорошем. Я отлично помнила, как Саня прикрыл ту дурацки скрипящую дверь, а мой тогда будущий муж уже заплатил выкуп. Оставались лишь формальные слова свидетеля, которые я никогда в жизни, наверное, не забуду.

– Ладно-ладно, Витюш, я вижу, как ты уже задолбался! Можешь выдохнуть и просто послушать! Все-таки мои лучшие друзья не каждый день женятся...

– Ха-ха-ха, впервые слышу, чтобы ты называл меня своим другом! – удушающий смех Вити было трудно с чем-то перепутать.

– Молчи, пока отец говорит! – после поистине всенародной поддержки тогда будущий супруг стих. – Я не какой-то там патриарх Кирилл, и благословлять вас не буду. Спрошу прямо! Ты любишь ее? – кажется, Саню самого выворачивало от этих слов.

– После этих дебильных конкурсов уже и не знаю!

Сквозь толстую стену было слышно далеко не все, но не узнать привычные несмешные шутки мужа не представлялось возможным.

– Нет, я серьезно! Ты уверен, что завтра не встретишь Монику Беллуччи и не поймешь, что именно она любовь всей твоей жизни? – Сашка любил провокационные вопросы, а Витя – Монику. – Что если Саня тебе надоест, когда на нее нападет хандра, а она-то на нее точно нападет, ты вынесешь ее, не побоюсь этого слова, долбануться? А, Витюш? Или ей лучше сразу ехать домой, рыдать и кушать тортик?! Кому-кому, а мне нужно знать, я тоже люблю... пожрать на ночь!

– Я знаю, Сань! Это не будет просто, и впереди не поездка в Диснейленд, а огромная жизнь! – Виктор вяло откашлялся. – Когда нам было лет по пять я обещал жениться на ней, а я исполняю свои обещания. Я люблю ее! Ведь, если б это было не так, я б давно уже послал всех этих клоунов к черту!

Я слушала человека, которого стоило любить больше всяких Кириллов, сексуальных футболистов, жаждущих непонятно чего мудаков и предурков. Этот парень был единственным, кто мог проснуться из-за меня в три часа ночи, выругаться и сходить за три девять земель за обезжиренным йогуртом, человеком, у которого я висела на шее, как пожизненный груз, единственным существом на планете, кто принимал любой мой вес и прическу, кто пошел со мной на похороны и терпел все мои сопли, казалось, у меня совсем и не было друзей, только его я и помнила в своем странно далеком детстве.

Сашка засмеялся одними лишь прокуренными бронхами, а я улыбнулась. Быстро утерев наглые и далеко не последние за этот вечер слезы, я выдохнула, словно в последний раз, и вышла.

– Если ты все еще хочешь схлопотать инсульт, то невеста готова ответить «Да»!

– Да? – выгнулся Витя, как обычно, задавая на мой вопрос свой.

– Да!

Сказала я это в подсобке кинотеатра, где меня прятали чуть ли не всем нашим детдомом, повторила тоже и в загсе, и за столом, и потом, и потом, и потом... Всегда бы я отвечала «Да», потому что, если бы я только могла влюбиться в Витю, я бы непременно влюбилась.

Глава 4.

На самом деле, во всех порядочных букмекерских конторах говорили одно – нужно ставить на Испанию, да и как иначе? Это же чемпионы Европы, самые топовые ребята и прочее. Но что мне было до этих причин? Как сказал один порядочный человек, футбол – это игра. И все зависит от тех секунд на поле, а не от количества выигранных трофеев. Пожалуй, я соглашусь с ним. Если бы мою жизнь можно было назвать игрой, я бы презирала любых букмекеров, ведь ни один из них ни под каким препаратом не смог бы гарантировать мне этот однодневный роман с вселенской знаменитостью, а уж причины, толкнувшие нас на него, не смог бы объяснить ни один гениальный комментатор. Жизнь – это далеко не футбол, а я в нем не нападающая.

Я была очаровательной мадам с придурью, посмевавшейся нарушить все, что только можно было. И вот я стояла у запасного выхода и надеялась, что сейчас выйдет он, мелькнет его бело-снежная форма, Федерико махнет своей красивой прической и заберет меня. Хотя бы на этот матч, на трибуну, на пару часов из этого отстойного мира, в котором мне постоянно нужно было притворяться, чтобы держаться на плаву: на работе, дома, с мужем, с друзьями, и все только для того, чтобы никто не догадался – с ними я не могла быть настоящей, вернее, настолько настоящей, чтобы не вызвать у них рвоту. Так продолжалось каждый день, так что если уж фолить, то только до красной карточки.

Спустя двадцать минут косых взглядов охранников, моих вздохов и тупого поглядывания на экран смартфона, Родригес наконец вышел из этих чертовых дверей, глупо улыбнулся и неожиданно заявил:

– А я тебя хорошо помню!

– Неужели все остальные были настолько скучны? – риторически шагнула навстречу ему я.

– Нет, просто их было слишком много... Ну поклонниц! – уточнил тот.

– Хорошо, хоть не любовниц!

Феде рассмеялся слишком заразительно, чтобы я не улыбнулась, и протянул, что их было еще больше. Ладно, я приняла твои странные правила. Снова.

– Но ты ревнуй! – усмехнулся футболист.

– Я и не пыталась! – что-то, а закатывать глаза я обожала. – Единственный, кого я действительно могу ревновать – мой муж. А ты уж точно им не являешься!

– Неожиданно. Я впечатлен! – расставил руки по бокам нападающий.

– И что? Даже лекцию о нравственности не прочитаешь?

– Нет! – пожал плечами Родригес. – Это твоя жизнь, кому-то нравится изменять, а кому-то – фистинг. Как говорится, каждому свое!

Иногда меня просто разрывало от этого мужика.

– Во-первых, мне не нравится изменять, а во-вторых... с фистингом ты тоже ошибся!

– Да? А кто же тогда нахваливал мои невероятно мускулистые пальцы? – мое негодующее лицо, пожалуй, слегка смутило его. – А нет, у той были голубые глаза, извини!

Мои губы уже отчетливо сложились во фразе «самовлюбленный мудила», но на первом слоге второго слова меня прервал его указательный палец.

– Осторожнее! Я могу и не отдавать тебе билет в VIP-ложу!

– А я и не прошу! – я терпеть не могла, когда мне угрожали.

Конечно, я бы соврала, если бы сказала, что не хотела на этот матч, однако его главный герой будто хотел, чтобы я прочла его мысли. Что ж, я пыталась. Или это было хреной импровизацией.

Я поцеловала Федерико Родригеса прямо на этой тихой улице в компании охранников, которым ничего не стоило нас заснять и срубить бабла, но мне не хотелось думать о них, я думала об улыбающейся родинке над его верхней губой.

– А я-то рассчитывал на «Пожалуйста»! – расплылся футболист, как мужчина с лишнем весом по лежаку.

– Обычно с тобой трудно обойтись одним лишь «пожалуйста»!

– А с тобой обычно не обходится одним лишь поцелуем, тебе всегда хочется большего! – предвзято намекнул тот.

– Правильно! И сейчас я хочу еще и билет!

Я легко вытащила вышеупомянутый пропуск на многообещающий матч и направилась к главному входу. Сейчас, как никогда прежде, я была полна уверенности, что человек, играющий под номер 17, смотрел мне вслед. На секунду я даже позволила себе обернуться, но только ради одного – рассмеяться, восхищаясь его недоумевающим выражением привлекательного лица. Я шла туда, в самое пекло, чтобы продолжить неистовые издевательства над собственной психикой, а шла я лишь по одной причине – я любила красивый футбол и непредсказуемые концовки.

Знаете, одним из поводов гордиться нашей страной была невероятная российская способность превращаться из чего-то болтающегося ниже среднего в потрясающее за короткий срок. Мы всегда становились теми, кем хотели, и побеждали тогда, когда это было нужнее всего. Но при всем нашем душевном размахе и силе воли мы частенько проигрывали в мелочах. Например, в футболе или с тем, кого выбирали на государственную службу.

По пути к своему месту в наверняка божественной ложе я натолкнулась на девушку, пытавшуюся на ломаном английском узнать, где здесь находился туалет, при этом так необходимый в этой ситуации волонтер объяснял ей на еще более покалеченном языке, что сюда запрещено приходить с алкоголем.

– У вас есть с собой алкоголь? – уточнила я у красотки по-испански.

– Конечно, нет! Мне нужно в уборную, а мне никак не могут растолковать, где она! – похоже, девушка слегка истерила.

– Для этого нужно подняться выше, идемте, я покажу вам!

Испанка кивнула мне и отправилась навстречу растекающемуся потоку людей. Я внимательно посмотрела ей вслед, силясь запомнить. Классическая футболка испанской сборной, черные волосы средней длины, невероятные шпильки и адски блестящая сумочка. Да, такую даму при всем желании будет трудно забыть.

– Знаете, гражданка, – перешла я на родной, обращаясь к волонтеру, – будьте добры, подучите язык, слушать вас ну просто невыносимо!

В мою уже развернувшуюся сторону прозвучало «Хамка», и я, будучи довольной, смогла догнать ту красотку на каблуках. Не осуждайте, я просто хотела помочь, а меня снова приняли за какую-то выпендрожницу.

Проводив девушку до нужного заведения, я узнала, что ее звали Ибби Мартинес, и она очень скверно владела иностранными языками, поэтому, хрен знает по какой глупости, я торжественно пообещала переводить все, что ни попади, хотя бы на этом матче. Пока новая знакомая красила губы чересчур яркой помадой, я успела спросить, чем она занимается в жизни, на что та ответила что-то невразумительное (то ли модель, то ли актриса, то ли что-то еще более отвратное). Но благо ее подготовка не заняла всю игру, и мы пришли к своим местам буквально перед самым началом.

Оказалось, мы сидели, в общем-то, рядом, буквально через два кресла. Это обрадовало Ибби, ведь если что, она всегда могла позвать меня на помощь. Меня это тоже не особо растроивало, ведь в отличие от моей лучшей подруги эта девушка не настолько соблюдала этикет, чтобы интересоваться моей жизнью.

Судья дал первый протяжный свисток. Красные и белые, профессионалы против чемпионов. Да, это было поистине захватывающе, за весь тайм я ни разу не оглянулась на кого бы то ни было. Я была увлечена. Родригес был безумно хорош на острие атаки, он прекрасно обрабатывал мяч, а порой и отрабатывал в обороне. Португальцы повели, но на последних минутах белые сравняли счет. Федерико забил гол, ассистировал Гомес. Игра была жаркой с обеих сторон, не отрывался никто, и под общий гул трибун я и сама не заметила, как вскочила, крича: «Это мой мальчик, сучки!».

Во время перерыва мужчины, сидевшие между мной и Ибби, встали и решили размяться, будто сами собирались выйти на поле во втором тайме. За эти пятнадцать минут знакомая успела спросить меня, кто забил и что произошло в принципе. Я взглянула на нее с искренним недоумением. Девушка сидела здесь, рядышком, толпа людей безбожно скандировала и праздновала еще никому непонятный исход, а Ибби... Чем она могла заниматься в такой момент? Ярая поклонница, судя по футболке, испанской сборной, а может и кого-то персонально равнодушно слушала мой краткий пересказ, морщась на половине употребленных мной классических футбольных терминов.

– Так Родригес забил гол?

– Да! – протянула я, понимая, – это все, что ей удалось запомнить.

Что ж, у каждого были свои грехи. Мужчины вернулись, очевидно, получив отказ тренера, и разлучили нас со столь спокойной фанаткой этого великого вида спорта.

Арбитр снова подал знак. Черт побери, началось! Пока продолжалось без замен и особых изменений, разве что соперник команды, за которую я уже слишком откровенно болела, стал чаще посещать чужую половину поля. Я искусила все, что только могла, кроме окруживших меня мужчин. Вашу мать, Родригес оформил дубль! Благодаря своему дриблингу и ускорению он обошел трех защитников и с помощью Фернандеса вывел свою команду к победе. После такого португальцы точно озверели, решив показать нам кровавое шоу с бесчисленным количеством фолов и карточек, что ж, это у них прекрасно получалось. Белые еще не раз добежали до штрафной, но на этом все и заканчивалось. Красные все подбирались и подбирались, однако к последним минутам и им уже не хватало сил. Все становилось очевидно, как в романах Эрики Джеймс, но даже тогда мне не удалось пересилить себя, чтобы взглянуть на Ибби. Я была слишком там, в этом матче, я верила в него, как люди в слова богатых священников. Может быть, просто ни людям, ни мне больше не во что было верить.

Но как в футболе, так и в жизни есть что-то такое, чем нельзя не восхищаться, например, неожиданные исходы. В уже добавленные пять минут кто-то из игроков испанской сборной, за какие ж грехи мне все это, сыграл рукой в чужой штрафной. И без видеоповторов было ясно – будет назначен пенальти, эх, а я-то уже планировала ехать домой! Стоп, что это он только что сделал? Родригес подошел к вратарю и наверняка что-то ему сказал, но что? В момент всеобщего вдоха я резко обернулась на Ибби, пытаюсь понять, насколько сильно та сейчас переживала, однако девушка с легкой улыбкой копалась в своем айфоне, даже не обращая внимание на объявление штрафного. Ни одной внятной причины, почему эта особа вообще пришла сюда, в моей голове не было, но еще более странным оказалось то, что голкипер отбил зловещий удар капитана португальской сборной. Последний длинный свисток. Ну вот! Теперь все точно закончилось.

Люди уже начали вставать со своих мест, аплодировать, мусорить, удаляться к выходам, материться, а я все сидела и думала, как же Родригесу удалось предугадать точное направление того удара.

– Подпишешься на мой инстаграм, если еще не подписана? Ибби нижнее подчеркивание Мартинес нижнее подчеркивание семнадцать!

– Что? – словно очнулась я.

– Вот! Сама взгляни! – протянула полужанна телефон.

Я просматривала ее фотографии, стараясь запомнить хотя бы одну, но с каждой секундой становилось очевидно – я едва ли воскрешу в памяти это лицо хотя бы через час. В любом случае, это будет потом, а это сейчас! Я снова пообещала выполнить ее очередную глупость.

– Знаешь, – поправила красивая девушка футболку и волосы, – у меня есть отличная идея. Что ты делаешь на выходных?

– Не знаю, сегодня же только понедельник! – пожала я плечами, тоже встав.

– Ну вот ничего и не планируй! Я хочу хорошенько пошопиться в Москве, поэтому в субботу перед игрой предлагаю сделать кучу классных покупок и выпить по бокалу, ты как?

На секунду я задумалась. Чем же я действительно могла заниматься в эти выходные? Без футбола и Ибби они наверняка были бы очередными бесполезными днями в компании с Витей и многочисленными попытками себя не выдать, не разрыдаться, не совершить очередную глупость и не искать помощи у кого бы то ни было. Конечно, у меня не было билета на тот матч и уверенности, что к тому времени меня не переедет трамвай, но клянусь, я бы отдала все, что угодно, чтобы прожить хоть один день без выдуманных мною же правил. Поэтому да, я согласилась.

– Ты на машине? – спросила Ибби по дороге к выходу.

– Нет! – ответила я, понимая, что у меня никогда и не было машины.

– Тогда, может, тебя подвезти, при условии, что ты никуда не спешишь?

Я быстро взглянула на часы, словно бы девушка могла забрать свое предложение обратно. Три часа дня, а Витя должен приехать к семи. Я с улыбкой сообщила ей, что совершенно никуда не спешу. Ибби кокетливо взглянула в зеркало, проходя мимо, и мы вместе, как по команде тренера, вышли из этого здания. Я плелась за ней, как за Моисеем в пустыне, просто повинаясь какому-то высшему инстинкту. Но, в отличие от вышеупомянутой исторической личности, красотка быстро привела меня к роскошному джипу и указала на переднее сиденье.

– Добрый день! – протянула я руку сидящему рядом человеку в костюме. – Я Александра!

– Нет, нет! – хлопнула то ли актриса, то ли модель дверью. – Это охранник, с ним не нужно знакомиться!

От ее насмешливого тона я неприлично громко выдохнула и сильнее прижалась к сиденью, рассматривая все того же неподвижного человека, почему-то казавшегося до ужаса несчастным. Сильный, высокий, с отпущенной бородой и лишенный права разговаривать без нужды хозяев. На секунду мне стало жаль его, но я тут же сказала себе – таков его выбор, а таков мой.

– А почему ты пригласила в Москву... именно меня? – я надеялась, что мой голос не звучал слишком разочарованно.

– Ну знаешь... – Ибби как-то грустно улыбнулась. – Мои подруги не смогли поехать со мной, это же Россия, здесь может произойти все, что угодно! К тому же, с тобой у меня будет меньше шансов влипнуть в какие-нибудь неприятности.

Мне стало смешно, что Ибби могла знать о неприятностях? Она бы никогда в жизни не влипла в такое дерьмо, как я. Может Вселенная просто припасает для каждого свой определенный мешок фекалий? Что ж, на мне она тогда безумно расщедрилась!

Мельком в боковое зеркало я заметила красиво шагающие к машине бедра в джинсовых шортах, из-под которых выглядывали соблазнительные загорелые коленки и проступающие от физической нагрузки вены. Красотка наконец отвлеклась от своего айфона, очевидно, целуя садящегося мужчину. Я подумала лишь об одном, если бы только можно было присобачить Вите такие ноги, я бы ни разу в жизни не задумалась о разводе.

– Александра! – наконец оторвалась девушка от своей жертвы. – Познакомься, это мой парень – Федерико!

Я резко повернулась назад, чтобы пожать руку и сказать что-то про захватывающую игру и их охрнительную команду, но то ли при виде любого спортсмена у меня стреляло в виске,

то ли от встречи именно с этим. Было так же неловко как на собственной свадьбе, на которой, кажется, каждый что-то решил для себя. Одна я все никак не могла на что-либо решиться.

В тот торжественный день я со странным чувством вышла из подъезда нашей тогда снимаемой квартиры. Все-таки я выходила замуж. Саня как всегда стоял в позе чувака из крутых фильмов. Конечно, в жизни его сложно было назвать таковым, ибо он, сильный, чуть выше меня ростом, худющий неадекватный парень, до ужаса любил собак и ненавидел людей. Мало кто мог назвать его хорошим, но я все-таки могла.

– Если б я знал, захватил бы очки потемнее! – поприветствовал меня лучший друг.

– Почему? – остановилась я на минуту.

– Ты же вся светишься от счастья!

И такие отвратные шуточки продолжались целый день, и далеко не один этот день, ведь сегодня, как никогда прежде, я села на Санин мотоцикл в свадебном платье. Хоть я не раз предлагала быстренько расписаться и отпраздновать это не такое уж и знаменательное событие в узком кругу где-нибудь дома, но кто же, черт побери, будет слушать невесту, когда ее восхитительные друзья уже все подготовили.

Мы неслись по городу как сумасшедшие, наверное, мы всегда такими и были. Я крепко прижималась к кожанке лучшего друга, которую он, кажется, любил больше всех и вся, собственно, как и мчаться по нашему городу с небывалой скоростью. Саня всегда говорил, пока с ним эта куртка, ничего дурного в его судьбе не случится. Ну, а мы, наивные, верили, как и когда-то что бог живет на облачках и что-то решает в нашей жизни. Жаль, это было не так. Но пока я продолжала держаться за его косуху, как и за эту легенду, провожая саму себя в неизвестную мне пропасть, в которую странно будет падать, я хотела верить этому парню.

От его любимой части гардероба частенько несло просто удушающим одеколоном, тошнотворными сигаретами, а порой и водкой. Все приходилось терпеть мне, мне и его девушке. Но мы обе выносили его, потому что обе в какой-то своей степени любили.

– Добро пожаловать в свою молодость! – подал мне руку лучший друг.

– Отвали! – сначала я не поверила своим глазам. – Это что наша пролетарка?

– Ну ты же именно здесь согласилась выйти за этого мудака!

– Откуда?..

– Твой женишок уж очень болтливый! Особенно когда тяпнет коньячку! – делился Сашка тем, что я отлично знала.

Я ответила ему, что мне было пять, и я еще не осознавала всей легкомысленности, но, о чем это я говорю, Саню уже было не заткнуть. Как и всегда. Сняв куртку, крутой парень театрально закатил глаза и повел меня под руку в кинотеатр. Оказалось, наши с Витей друзья уже обо всем позаботились, и пока мой тогда будущий муж должен был пробираться сквозь все препятствия и дебильные конкурсы, мы вдвоем торжественно расселись на какие-то потрепанные стулья среди непонятно кому нужного хлама, старых киноплакатов, недопитого чая и паутины по углам, поджидая его в служебном помещении на втором этаже. В целом могу сказать, мне там даже понравилось, но опять же, мне понравилось бы в любом месте, будь там дорогие мне люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.